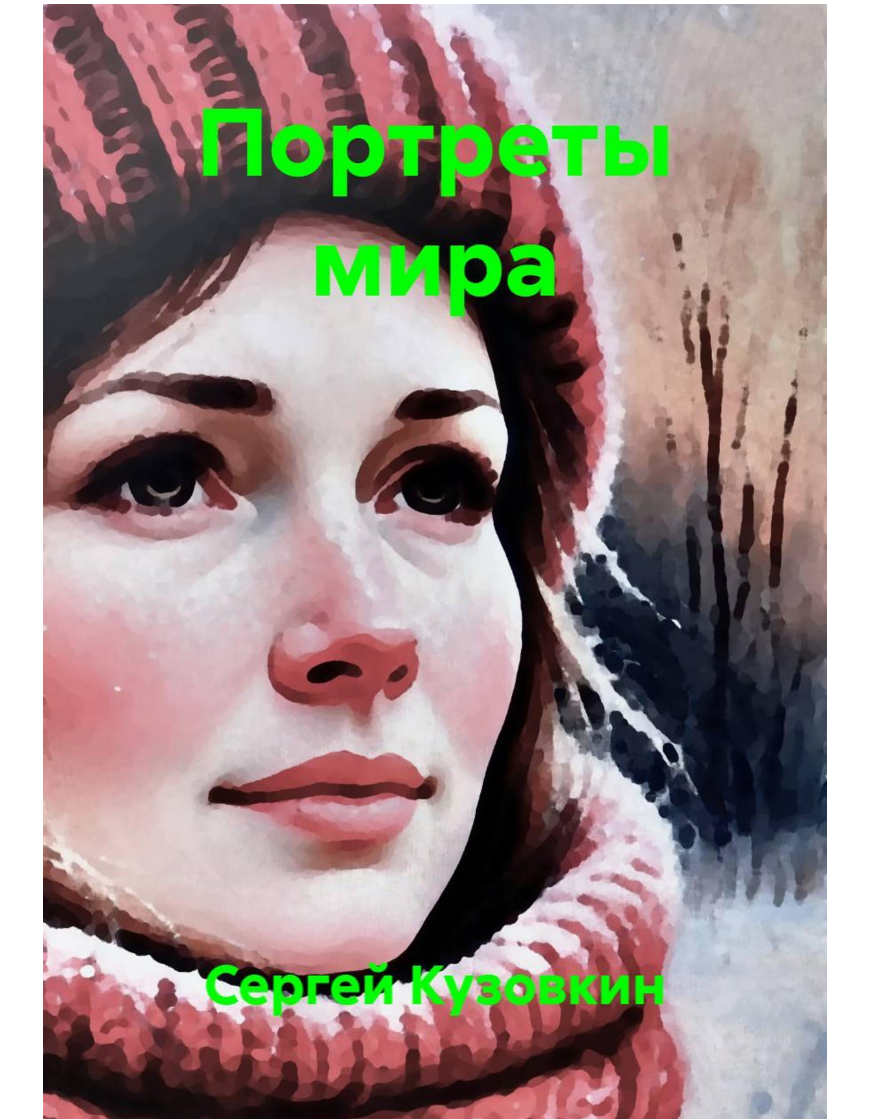

A close-up portrait of a woman with dark hair, wearing a red knitted hat and a matching red scarf. She has a contemplative expression, looking slightly upwards and to the right. The background is a soft, out-of-focus mix of warm tones. The text 'Портреты мира' is overlaid in bright green.

Портреты мира

Сергей Кузовкин

Сергей Кузовкин

Портреты мира

<https://litres.ru/74609669>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три рассказа о деревне, памяти и голосах, которые остаются.

Осенью 1950 года писательница Анна Северова приезжает в северную деревню Сосновку — пересидеть, переждать, переболеть. В Москве остался незаконченный роман и ощущение, что слова её больше не слушаются. Здесь её ждут художник Степан, старый кот Баюн и дед Сергей — старик, помнящий царей, волков и серебряный кувшин.

Три времени года — осень, лето и зима. Три рассказа о том, как человек учится видеть, слушать и помнить.

В «Первой тропе» дождь душит деревню неделями, а потом за ночь приходит первый снег — и мир перерождается.

В «Голосе» дед Сергей рассказывает свою жизнь — про мать, брата Ивана, пропавшего на войне, про Настю, умершую от тифа. Анна записывает. И понимает: книга, которую она не могла написать, — не про неё.

В «Последнем портрете» Степан уходит с Анной в зимний лес за ёлкой. А через две недели его не станет. Спустя сорок лет Анна найдёт портрет, написанный за две недели до гибели.

Содержание

Первая тропа	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Сергей Кузовкин

Портреты мира

Первая тропа

Я приехала в Сосновку в конце ноября 1950 года — пере-сидеть, переждать, переболеть. Город остался за спиной, как закрытая книга. В Москве у меня была комната с высоким окном, чернильница, стопка бумаги и роман, который я не могла закончить уже второй год. Меня зовут Анна Северова, и я, кажется, перестала понимать, зачем пишу. Слова не шли. Я перечитывала написанное и не узнавала себя. Тогда я собрала чемодан, взяла с собой только самое необходимое — рукопись, две тетради, любимую ручку — и уехала.

Мы познакомились в госпитале, под конец войны. Я тогда училась в Литературном институте и подрабатывала в госпитале — сначала санитаркой, потом медсестрой. Степан лежал там после тяжёлого ранения. Молодой офицер, двадцати пяти лет, с перебитым плечом и злым, недоверчивым взглядом. Он не любил, когда его жалели. Я не жалела. Я читала ему вслух — сначала Чехова, потом Бунина. Он слушал и молчал. А потом однажды сказал: «Вы будете писательницей». Не спросил — сказал. Так, будто это уже решено.

После войны его комиссовали — под чистую, как он гово-

рил. Он вернулся сюда, в родительский дом. Родители к тому времени уже умерли. Он позвал меня с собой. Я отказалась.

Не потому, что не любила. Потому что боялась. Боялась, что деревня меня съест. Что я перестану писать. Что стану женой художника, а не писательницей. Пять лет мы писали друг другу письма. Пять лет я не решалась приехать. А потом поняла: если не приеду сейчас, не приеду никогда.

Степан не спрашивал, надолго ли. Он вообще не задавал лишних вопросов, за что я была ему благодарна. Степан был художником-самоучкой. Никаких академий не кончал — только фронт, госпиталь и упрямство. В Сосновке он преподавал рисование в школе — в райцентре, за десять вёрст. Уходил утром, возвращался к вечеру. А вечерами — писал. Здешний свет он любил больше всего: мягкий, северный, будто разбавленный молоком. В его мастерской — бывшей летней кухне — пахло льняным маслом и скипидаром, а на стенах висели холсты: река, лес, покосившийся сарай, почему-то похожий на человека, который устал стоять.

Тучи нависали над деревней несколько дней подряд. Это был не тот дождь, что баюкает песнями или отстукивает весёлую дробь по крыше. Нет, это был тот дождь, что душит всё вокруг, который насквозь промочит носки в самых непромокаемых сапогах, превратит огород в болото и заставит кота смотреть на тебя с немым укором: «Ну, серьёзно? Опять?» Он был под стать моему настроению — серый, вязкий, без просвета. В саду гулял промозглый ветер — он не выл, а про-

сто вздыхал, словно махнул на всё рукой.

Уже в четыре часа дня мы зажигали лампы, и невольно казалось, что лету конец, а земля уплывает всё дальше и дальше в густые туманы, в неуютную тьму и стужу. Конец ноября — самое тоскливое время в деревне Сосновка. Не из-за холода. Даже не из-за грязи. А от ощущения, что мир о нас забыл. Будто нас убрали в ящик и оставили пылиться до весны.

Кот — старый, одноглазый Баюн — спал целыми днями, свернувшись калачиком в потёртом кресле Степана. Он потерял глаз ещё котёнком — Степан так и не рассказал, как. Говорил только: «Сам виноват, нечего было по сараям лазить». Но по тому, как он гладил Баюна за ухом, было ясно: виноват не кот. Время от времени Баюн вздрагивал во сне, подёргивая усами, будто видел, как тёмная вода хлещет в окна. Может, так и было. Может, и сам дом видел те же сны.

Дороги размыло, река бурлила желтоватой пеной, будто кипела в котле. Последние птицы попрятались под карнизами, словно застенчивые дети от хулиганов. И уже больше недели к нам никто не заглядывал — ни дед Сергей с его байками о царях да волках, ни Семён с кривой ухмылкой и карманами, полными тёмно-бордовыми ягодами брусники (и откуда в ноябре-то?), ни даже лесник, обычно заходивший на чай и чтобы тихо поворчать о браконьерах.

Вечерами было лучше всего. Мы топили печи, пока весь дом не начинал гудеть, как довольный медведь. Огонь ревел, багровые отсветы дрожали на бревенчатых стенах и на ста-

ром портрете какого-то городского франта, и Степан клялся, что глаза с портрета следят за тобой.

— Словно судит все твои жизненные выборы, — ворчал он, полушутя, полусерьёзно.

Портрет смотрел на нас, и казалось — реально казалось — что он, прямо как мы, отложил раскрытую книгу, подумал о прочитанном и теперь слушает, как дождь бьёт в драночную крышу.

Лампы горели ярко, отливая на полу золотыми лужицами. А медный самовар — старый и побитый, на трёх ногах, но стоявший гордо, как ветеран войны, — всё пел свою незатейливую, булькающую песню. Стоило внести его в комнату, как становилось уютно. Не просто тепло, а уютно. Может, оттого, что окна запотевали, превращая внешний мир в мягкое размытое пятно. Может, оттого, что единственная берёзовая ветка, что днём и ночью стучала в окно, наконец затихала, будто и ей всё надоело.

После чая мы сидели у печки и читали. Степан листал старые журналы — тяжёлые, пропахшие нафталином тома: их пожелтевшие, как старые зубы, страницы были полны гравюр с бальными залами, баталиями и дамами в шляпках таких размеров, что в них могла бы поселиться целая семья воробьёв. А я — я всё пыталась писать. Но рука замирала над бумагой, и я снова и снова перечитывала то, что написала в Москве, и не находила ни одной живой строчки. Слова были правильные. Мёртвые.

Фанки, наша маленькая рыжая такса, одна преданность на коротких ножках, часто поскуливала ночью во сне. Тихо и жалобно всхлипывала, будто ей снилось, что она потерялась. Я вставала, закутывала её в шерстяное одеяльце, пахнущее старым шкафом, и она благодарила меня сквозь сон: нежно лизала руку, вздыхала и снова уходила в свои собачьи грёзы.

Снаружи тьма была шумной — дождь хлестал, ветер скрёбся в ставни, — и страшно было подумать о тех, кого застигла эта штормовая ночь в непролазных лесах. Потерянных. Одиноких. Замёрзших. Но потом... одной ночью... всё изменилось.

Я проснулась не от скулёжа Фанки, не от барабанной дробы дождя, даже не от храпа Баюна. Я проснулась от ничего. Мёртвая тишина. Сердце ёкнуло. Я оглохла? Лежу, глаза зажмурены, вслушиваюсь. Ни дождя. Ни ветра. Ни скрипа веток. Даже отдалённого уханья совы. Просто... тишина. Та тишина, что давит на барабанные перепонки. Которую называют «мёртвой» не потому, что тихо, а потому, что кажется, будто мир перестал дышать. Я открыла глаза. Комнату заливал белый свет. Не оранжевый отблеск лампы. Не серый рассвет. Белый. Ровный. Холодный. Красивый. Я встала, босые ноги ступили на ледяные половицы, и подошла к окну. Всё было в снегу. Не просто налёт — нет. Мир переродился. Сад, дорога, покосившийся забор, старый колодец — всё было погребено под толстым, мягким одеялом снега, что переливался, как толчённый алмаз, в лунном свете. Луна висела

на головокружительной высоте в мгlistом небе, окружённая желтоватым ореолом — таким, про который старухи говорят, что это к новому снегу. Или к волшебству. Когда это успело случиться? Я взглянула на часы на стене — с потёртыми римскими цифрами и маятником, тикающим как нервное сердцебиение. Два часа. Я заснула в полночь. За два часа... земля преобразилась. Два часа. Это меньше, чем уходит на выпечку ржаного каравай. Меньше, чем на главу из книги. И всё же — призрак лета исчез. Останки осени погребены. Зима пришла не с грохотом, а с шёпотом... и миллионом падающих перьев.

За окном я увидела большую тёмную птицу — ворона, может, или что побольше — усевшуюся на кленовую ветку. Ветка качнулась. Снег сполз с неё, словно шёлк. Птица повернула голову, будто смотрела прямо на меня, затем взлетела с одним-единственным, беззвучным взмахом крыльев. Снег продолжал падать с ветки. Не таял. Не сдувался. Просто... падал. Потом — снова тишина.

Степан проснулся. Он всегда просыпался, когда я ворочалась. Будто у него шестое чувство на моё беспокойство. Он подошёл к окну рядом со мной. Долго он просто смотрел. Потом приобнял меня и вздохнул — глубоко, с удовлетворением, словно человек, только что вспомнивший забытую радость.

— Первый снег земле очень к лицу, — тихо сказал он. Так и было. Земля принарядилась. Чистая. Непорочная.

Словно застенчивая невеста, входящая в часовню, не уверенная, что готова, но всё равно сияющая.

Утро пришло с хрустом. Не звук, скорее — ощущение. Весь мир хрустел. Замёрзшие дороги. Хрупкие листья на крыльце. Стебельки почерневшей крапивы, торчащие из снега.

Дед Сергей пришёл сразу после завтрака, его высокие меховые сапоги были облеплены снегом, а борода припушена инеем, как у пряничного человечка. Три раза он топнул о половику у двери — «чтобы зимних духов отряхнуть», — утверждал он — и вошёл, пахнувший хвоей и трубочным дымом. Он налил себе чаю, бросил три куска сахара (Степан всегда говорил, что он «подслащивает свою старость») и поднял чашку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.